

УДК 398

ГЕРОИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ ЭПОСЕ**Ерболат Баят***Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Алматы, e-mail: erbolat.bayat@mail.ru*

В данной статье анализируется «героический» концепт, который является сюжетообразующим компонентом в героических эпосах тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: миф, тотем, эпос, сюжет, образ

HEROIC CONCEPT IN THE TURKO-MONGOLIAN EPIC**Erbolat Bayat***Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, Almaty, e-mail: erbolat.bayat@mail.ru*

This article analyzes the poetics of the heroic imagery which is a component in the plot heroic-epics of the Turkic – Mongolian peoples

Keywords: myth, totem, epic, plot, image

Если в казахских сказках демоны и чудовища преподносятся в основном как страшилища без родины и мест обитания, то в монгольском эпосе они оказываются хозяевами этой земли со своим родом и племенем. Батыры в ходе повествования сражаются с несколькими такими чудовищами. И хотя эти чудовища не нападают на батыра, они сами ищут их. Под когтями чудовищ гибнут и ханы, и простые смертные. Цель батыра истребить эти чудовища, чтобы мир жил в спокойствии и без страха за свою жизнь.

Одним из характерных проявлений эпосов является следующая картина – когда убивают чудовище, из его чрева и горла появляются пораженные им люди, скот и имущество. Да и само чудовище изменяет свой облик. К примеру, в эпосе «Бум Эрдэне» Черный мангус превращается в красного быка и бросается навстречу. А Бум Эрдэне превращается в волка и наряду с этим убивает еще трех мангутов. После этого он сражается с самым грозным мангустом с двадцати пятью головами. Чувствуя бессилие, он советуется со своей лошадейю и по ее совету уничтожает в ноздрах лошади мангуста глаза двух пятнистых змей. А в самом конце он сражается с черным мангустом, чья душа оказалась в вылетевших из ноздрей коня трех воробьях. Он убивает двух из них, но уничтожить третьего оказалось трудным для батыра. Этот воробей использовал все свои магические силы. Спрятав под своим крылом солнце, погрузил всю землю в ночь, стали сжиматься моря, рушиться горы. Сам воробей спрятался под крылом оставшегося единственным в мире сказочного орла самрука, и батыр убивает его. А когда самрук взмывает в небо, превратившись в ворону с медным клювом, латунным

хвостом и железными крыльями, Бум Эрдэне превращается в беркута и, бросившись вслед, убивает и его.

В этом сказочном эпосе, когда Бум Эрдэне сражается с матерью мангутов, она превращается в рыбу и убегает по реке, а он превращается в большеротого сома и гонится за ней. А когда она превращается в воробья, то он превращается в ястреба. Однако могущество батыра берет верх над матерью мангутов и он, наконец, убивает ее. Но после смерти изнутри ее появляется девятомесечный сын с железным пупком с оружием в руках. Вышедший из утробы матери ребенок говорит ему: «В девятимесячном возрасте я проиграл тебе, но в десять месяцев одержу над тобой победу» (1, 66-77).

Превращение заклятого врага в иное обличье не чуждо и для казахского эпоса. В эпическом сказании «КыдырбайулыКобланды» подбитый Кобланды кулан исчезает. И хотя в сказании прямо не говорится об этом, кулан несомненно воплощается в другой образ.

В сказании «Аншыбай батыр» есть такие строки:

Пара лебедей кружит,

Радостью объята.

Среди двух деревьев

Приземляются они.

И стряхнувшись на земле.

В двух красавиц превратились...

И с красавиц луноликих

Аншыбай не сводит глаз. (2,22).

ШынтасулыТорехан, заговорив, превращает раба Шынбике в черного орла. Нелегко далась батыру победа над мангустом. Бьются несколько дней и ночей. Бывают моменты, когда батыр обессиливает. И тогда ему на помощь приходят то его конь, то святые

духи предков, то давшие друзья. И хотя он убивает мангуста, тот принимает новые обличья. А на следующий день бьется с ним в образе девятимесячного ребенка.

А в эпосе «Агайн Улаанхаан» перед батыром Агай через три дня после убийства мангуста появляется Железное дитя, с которым он бьется 6 дней и ночей и с трудом побеждает его. Тогда Железное дитя говорит ему: «Если бы я родился десятимесячным и успел вкусить материнского молока, то победил бы тебя. Отомстил бы за отца».

Образ, мощь и сила батыра красочно обрисовываются в ходе схваток, в его походах, дополняясь новыми штрихами. Перед тем, как наброситься на врага, «на его веках застывает снег, а ресницы покрываются льдом», а голос его «достигает далее шестимесячного пути».

...Голос такого батыра, как Кобланды,
Разрывает землю.

Крик батыра Кобланды

Подобен крику старого верблюда. (3, 183).

Точно также крик батыров в монгольском эпосе бывает могучим и потрясающим:

Алтан дэлхий доргитол

Хар чулуу сагартал

Толгойн чулуу тоглолто

Сүн далай долгиотол

Сүмбэр уул хэлтийтэл

Доор долоо хашгирав

Семь раз прокричал,

Пока земля не содрогнулась,

Море не всколыхнулось,

Горы разрушились. (4.27).

Обрисовывающие сражения батыров художественные образы постоянно присутствуют и применяются в монгольских героических сказаниях:

Бух хэвтэй хяралцаад

Буур хэвтэй нүрэлцээд

Ай гэсэн амнаас нь

Арван эх голын гал бадарч

«Как быки кидались,

Как верблюды разъяренные бросались,

Из раскрытой пасти

Вырывался огненный дракон» (4.24).

В описании сражений между собой батыров образные сравнения «как бык кидался, как верблюд бросался» без всяких изменений встречаются в киргизском эпосе «Манас». Также как в монгольских сказаниях у стрелявшего Конырбая «противник кровью обливался» или же при его крике «содрогалась земля и рушились горы, а от его удара из черных камней лилась черная кровь» (5, 93-94). А вышедшего на схватку с Жолаем Косая обрисовывают так:

Аксакал старец Косай

Вышел на поле битвы

Босой, и с открытой головой.

С яростью старого верблюда,
Бросился на противника.
У старого Косай ага
Мускулы как у быка,
Пальцы как закаленное железо... (5, 76).

А в знаменитом киргизском эпосе «Манас» образ героического батыра преподносится так:

Изо рта его вырывалось пламя,
Мускулы играли на его теле,
В глазах его сияли огоньки,
И от его грозного взгляда
Угасала ярость противника батыра... (5.38).

Скрежеща зубами
Как разъяренный верблюд
Сотрясая шерстью на шее,
С налившимися кровью глазами
Все что встретит на пути
Проглотить будто готов (5,96).

Такие же образы встречаются и в казахских сказаниях. И у них изо рта выходит пламя, а глаз сверкают огнем». Например, у Кобланды «изо рта извергается пламя» (3,136). В средневековых письменных источниках встречаются такие образные сравнения: «под их взглядом горят горы и камни», «от их дыхания печется хлеб», «рот красный как огонь, вид как голубое небо, глаза красные как огонь». Таким образом, в мифической обрисовке образов героев встречаются одинаковые художественные образы в казахских и монгольских сказаниях. Один из примеров тому обрисовка образа коня Тайбурыла «...верхняя губа подпирает небо, нижняя губа упирается в землю». Эта изумительная картина особенно ярко подносится в монгольском сказании «Бужин Даваа хаан».

Дээд уруулаараа тэнгэрийг бүтээж

Доод уруулаараа газарыг бүтээж

Верхняя губа подпирает небо,

Нижняя губа упирается в землю (6,83).

Разница лишь в том, что в первом случае обрисовывается лошадь, а во втором, человек. Особенно образные преувеличения характерны в описании сражений. В эпосе «Ер Кокше» (В.В.Радлов) обломок копья расплавили только на костре из семидесяти телег угля.

Огромен проклятый калмак,

Тень которого как черная гора (7,99).

А образ мангуста в монгольском эпосе «Бужин Даваа хаан» наводит страх на человека:

Тэртэй уулыг дэрлэсэн

Энэтгээ уулыг өшиглөсөн

Уул гэвэл уул биш

Уул гэвэл үүл биш нэг баатар хэвтэнэ

Одну гору головой упер,

Другую горуногами,

Это не гора лежит,

Это не облако нависло,

Это батыр лежит на спине (6,83).

Сравнение врага с горой имеется в эпических сказаниях «Куламерген», «Жоламерген», «Дотан», «Кубыгул». В монгольском эпосе «Улан батар» Мангуст обрисовывается «высоким как гора, с глубоким как промоина ртом».

В эпическом сказании «ХаанЧингэл» есть такой сюжет: «Когда достигли еще одного места, рыжий конь спросил: «Что видите спереди и сзади?». Тогда батыры отвечают: «Сзади пустынная соляная даль, а спереди гора не гора, сопка не сопка, какой-то огромный враг показался». Это был черный мангуст с семидесяти рогами» (4,87).

Точно так в эпосе «Агайн Улаанхаан» сидящий на серой лошади с пятью видами оружия Агай хан «важно восседая, дали одолевая, сопки за собой оставляя выскочил на высокую вершину и видел вдали клубы пыли. Когда приблизился туда, то увидел голое место обитания мангуста, усыпанное огромными камнями и пещерами, где не было ни зверей, ни птиц» (4,31).

Вообще, когда герой достиг вражеской земли, первым делом в глаза ему бросились горы. Одним словом, это был враг, принявший образ горы. Связанная с общей трактовкой эпоса формула «свое и чужое» сохранилась в сказаниях обоих народов и основана на действиях главного героя. Как и в монгольском эпосе, целостная характеристика врага как горы находит отражение в древних эпосах казахов. «Место обитания врага всегда предстает как гора» – это является отголоском исторического сознания кочевого народа.

Одна гора движется впереди,

Взяв разрешение Мергена

Отправился к горе.

Раздвигая небо,

Разгоняя облака,

Идет большая гора,

И гора эта один батыр (8,214).

Эти горы приветствовал храбрец Дотан.

Поприветствовав, расспросил как дела.

Оказалось, что это демоны. (8,42).

Ш. Ибраев говорит: «В казахском эпосе, отправившиеся в дальний путь батыры, перед тем как выйти на земли врага обязательно должны преодолеть горы или взойти на гору» (10, 139). Это условие строго выдерживается в монгольских сказаниях. В них батыры восходят на «Болзоотын бор толгой» или «Амхай мойнагы». В большинстве монгольских сказаний заботящийся о мире и спокойствии своего народа батыр, ожидая вестей о нашествии врага, восходит на вершину «Амхайасуын», а сами сражения с врагом происходят в «Болзоотын бор толгойе» или «Кездесетинбозтобеде». Это гористые местности, где горы разделяют

противников. Видимо, отождествление врагов с горами связано с мифологическим сознанием древних людей и историко-социальными обстоятельствами. Горы становятся символами не только огромной силы, но наряду с этим отражают тайны и загадки неизвестности, являются предметом и обиталищем страха.

Древние люди определяли широту и границы мира с силуэтами гор. И то, что находится за ними, было неизвестным и вызывало интерес. Вообще для обитателей степной сахары горы были непонятным и неизведанным миром. Покрытые льдами и укутанные облаками вершины гор внушали особое чувство их величия и страха перед ними, который таился в мрачных ущельях и нагромождениях скал. Граничащие с двумя мирами горывсегда внушали почтительное чувство. Поэтому батыры стремились взойти на их неприступные склоны или выйти на берега непроходимых рек. И в этот час испытаний необходимо мужество и стойкость не только его самого, но и его коня и сопровождающих товарищей. В эпических сказаниях окруженная гора всегда является горячим местом сюжета. Поэтому в сказаниях горы, высокие крепостные сооружения и курганы являются схожими в обрисовке понятиями.

В монгольском эпосе «Хэцуу Бэрх» юный мальчик вскочив на разорвавшего скалу розлого коня поскакал на раздавшийся шум в горах и на пятый день пути, взойдя на вершину Амхаймойнака стал обозревать мир (4, 111-112). На шестнадцатый день он увидел идущего издалека извергающего изо рта пламя дракона и бросился ему навстречу. Через неделю он настиг его и убил восьмидесятиметровым куруком. Герои этого эпоса Монген Суйх, Эргуу Хабан, его младший брат Чорхидин, мерген Хурш, его брат палуанАрбыс вместе со своими лошадьми обрисовываются как громадные существа, подобные горам и облакам в небе (4,120-134).

В древних сказаниях присутствуют мифологические существа, и они полностью противостоят человеку как в обрисовке внешности, так и в символическом значении. Батыру нелегко дается путь в страну своего врага. Простой человек преодолевал бы этот путь месяцами и годами. В пути встречаются различные препятствия и преграды. В древних мифах, наряду с тем, что враг предстает в образе фей, злых духов, демонов, великанов, места их обитания находятся в такой дали, что глазу не обозреть, среди изрытых пещерами гор или за далекими морями и большими реками. Если в казахском эпосе «Кубыгул» батыр Тенгелик на коне Кулаша с трудом одолевая широкую

реку достигает земля Акбилека (8.107), то в эпосе «Дотан батыр» место стоянки Шынтемир хана «берег океана и была у него одна дочь и пятеро сыновей» (8,42) А в монгольском эпосе «Хэцуубэрх» место жительства Хуршмергена находилось на другом берегу огромной реки, которая проглатывала плывущих по ней людей и пролетающих птиц. Особенностью монгольских сказаний является то, что батыр обязательно встречается для битвы с врагом или мангустом в «Болзоотын бор толгой». Это место войн и сражений. А вершина «Амхай» является местом караульного обзора батыра. «Болзоотын бор толгой» стал в монгольских сказаниях стал сформировавшейся формулой места, где встречаются и сталкиваются в бою две стороны, неизменное поле сражений.

Место, связанное с событиями в эпических сказаниях включает в себя историко-социальные понятия. Особенно это проявляется в героическом эпосе. Иначе

постоянного упоминания в сказаниях о батырах гор и врага было бы недостаточно для объяснения мифологических понятий. Поэтому можно прийти к выводу, что мифические вражеские силы из древних сказаний постепенно приняли в наше время человеческий облик.

Список литературы

1. Бум Эрдэнэ. – Улаанбаатар: Гос, изд, 1976. – 158 с.
2. Сорок батыров Кырыма. 5 – т. – Алматы: Жазушы, 1989. – 319 с.
3. Қобыланды батыр. 1-т. – Алматы, 1986.
4. Монгольский народный героический эпос. – Улаанбаатар: Гос, изд, 1982. – 150 с.
5. Манас. 2-книга. – Алматы: КГХЛ, 1962. – 246 с.
6. Хорлоо П. Народ и фольклор. – Улаанбаатар: Гос, изд., 1987. – 186 с.
7. Героический эпос. 2-т. – Алматы: 1961. – 401 с.
8. Казахский архаический эпос. – Алматы: «Аруана», 2008. – 235 с.
9. Героический эпос. 6-т. – Алматы, 1990. – 246 с.
10. Ыбыраев Ш. Мир эпоса. – Алматы: Наука, 1993. – 290 с.